

СУШКОВ АНДРЕЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ

к.и.н., с.н.с., Институт истории и археологии УрО РАН

(Екатеринбург, Россия)

E-mail: suschkow@mail.ru

**«ВЫ ЗНАЕТЕ, ЧТО ЭТО — ПРЕСТУПЛЕНИЕ,
ГРАНИЧАЩЕЕ С ПРОВОКАЦИЕЙ?»
О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ
«ЛЕНИНГРАДСКОГО ДЕЛА»**

УДК 94(470).084.8

В статье говорится о фальсификации итогов тайного голосования на ленинградской партийной конференции в 1948 г. Среди историков бытует мнение, что подобные практики были широко распространены в партийном аппарате страны, а резкая реакция со стороны верховной власти на нарушения в Ленинграде была обусловлена стремлением уничтожить «ленинградскую группу» руководителей. Однако эта точка зрения ничем не обоснована и не находит подтверждения в архивных документах. Угроза для сталинской системы власти заключалась в том, что «ленинградцы» продемонстрировали способ свести на нет систему тайного голосования в партийных организациях, которая была введена Сталиным в 1937 г.

Ключевые слова: *«ленинградское дело», партийно-государственная система власти, период «позднего сталинизма», управленческие практики*

Начиная с конца 1980-х гг. в отечественной исторической науке главенствует точка зрения, что «ленинградское дело» явилось результатом соперничества в высшем руководстве СССР двух групп, а именно Г.М. Маленкова и Л.П. Берии, с одной стороны, и так называемой «ленинградской группы», наибольшим влиянием среди которых обладали А.А. Жданов, Н.А. Вознесенский и А.А. Кузнецов, с другой. Маленков и Берия, воспользовавшиеся ослаблением «ленинградской группы» после смерти второго секретаря ЦК Жданова, под различными надуманными предлогами (высказывания «ленинградцев» о необходимости создания компартии РСФСР; проведение в Ленинграде без санкции высшего

руководства оптовой ярмарки всесоюзного масштаба; фальсификация на Ленинградской областной партконференции результатов тайного голосования) добились сначала политического уничтожения своих конкурентов, а затем, после фабрикации уголовного дела по обвинению в измене Родине, — физического. Общее руководство «ленинградским делом» осуществлял Сталин, обеспокоенный самостоятельностью «ленинградцев», стремительным ростом их авторитета и влияния в высшем руководстве, и, в конечном счете, озабоченный укреплением личной власти.

Среди обвинений, предъявленных ленинградскому руководству, была фальсификация результатов тайного голосования на X Ленинградской областной и VIII Ленинградской городской объединенной партийной конференции, состоявшейся в декабре 1948 г. Об этом инциденте стало известно из поступившего в ЦК ВКП(б) анонимного письма, автор которого назвал себя одним из членов счетной комиссии. В письме говорилось, что все участвовавшие в подсчете голосов видели, как во многих бюллетенях были вычеркнуты фамилии первого секретаря обкома и горкома П.С. Попкова, второго секретаря горкома Я.Ф. Капустина и второго секретаря обкома Г.Ф. Бадаева. Тем не менее, председатель счетной комиссии, заведомо горкома А.Я. Тихонов объявил на конференции, что все они были избраны единогласно. «Неужели это с ведома Центрального комитета, как пытался дать нам понять тов. Тихонов, — возмущался член счетной комиссии. — Как это стало возможным в Ленино-Сталинской большевистской партии? Боясь репрессии — не подписываюсь»¹.

К содержанию письма в ЦК отнеслись весьма серьезно. Согласно воспоминаниям работавшего на тот момент заместителем заведующего отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов Ленинградского горкома ВКП(б) В.В. Садовина, в начале февраля 1949 г. заведующий отделом тяжелой промышленности горкома Александр Яковлевич Тихонов был вызван для объяснений на Старую площадь к Г.М. Маленкову. Следом в ЦК был вызван приятель Тихонова, первый секретарь Смольнинского райкома ВКП(б) г. Ленинграда В.В. Никитин. Коллеги Тихонова и

¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 49. Д. 3. Л. 8.

Никитина для себя решили, что те были вызваны на предмет повышения по службе как наиболее молодые и перспективные партработники. И были крайне удивлены их состоянием по возвращении из Москвы. «Это были совершенно другие люди, — вспоминал Садовин. — Всегда жизнерадостные и веселые, они стали как осенняя ночь мрачными, неразговорчивыми, до неузнаваемости изменившимися в лице, буквально поседевшими за два-три дня пребывания в Москве. <...> Когда они зашли ко мне, то рассказали только, что Маленков оскорблял их самым nepoзвoлитeльным образом, стучал кулаками по столу, топал ногами, то есть обращался с ними как с особо опасными преступниками». Оказалось, что Тихонова вызывали к Маленкову как председателя счетной комиссии на конференции, а Никитина — как его лучшего друга, который должен был знать о фальсификациях при подсчете голосов².

Членов счетной комиссии тоже вызвали для объяснений в ЦК, после чего их детально опрашивали в Ленинграде, устраивали очные ставки. Как выяснилось в ходе учиненной проверки, сведения, содержащиеся в анонимном письме, действительно имели место. Против П.С. Попкова было подано четыре голоса, Г.Ф. Бадаева — два, Я.Ф. Капустина — 15, председателя Ленинградского горисполкома П.Г. Лазутина — два голоса. Главное, что пытались установить проверяющие, — кто дал санкцию на подделку результатов голосования. П.С. Попков в Секретариате ЦК и потом на пленуме обкома и горкома отрицал свою осведомленность и какую бы то ни было причастность. По его словам, впервые об этом он услышал от самого А.Я. Тихонова, когда они сидели в приемной Маленкова, и был возмущен произошедшим: «Как вы могли это сделать? Вы знаете, что это — преступление, граничащее с провокацией?» Попков стал выяснять подробности, самостоятельно он это сделал или кто-то на него воздействовал, но тот ответил, что самостоятельно, никто ему не подсказывал. «Я со своей стороны и пленуму говорю, и в ЦК говорил, что моя совесть как коммуниста совершенно чиста», — уверял П.С. Попков. Я.Ф. Капустин, продвигавший Тихонова по властной лестнице, зная о его «темных делах» в годы блокады — присвоении

² Садовин В.В. Испытал на себе // «Ленинградское дело». Л., 1990. С. 263–264.

продуктовых карточек, которые затем жена Тихонова обменивала на различные вещи — тоже не признавал, что давал своему протеже либо кому-то еще указания о подделке протоколов голосования. «Я не думал, что такое холуйство со стороны Тихонова», — заявил он с трибуны пленума³.

Обращает на себя внимание отношение профессиональных историков к фальсификации результатов тайного голосования. Известный ленинградский историк, доктор исторических наук В.А. Кутузов в своих первых работах, посвященных «ленинградскому делу», рассматривал поступление в ЦК ВКП(б) анонимного письма как начало политической дискредитации ленинградских руководителей, и отправной точкой для открытого наступления на «ленинградскую группу»⁴. В статье, опубликованной в 1987 г., историк дал однозначно негативную оценку действиям Тихонова: «Несколько лет назад А.Я. Тихонов ушел из жизни. Уже невозможно из первых уст узнать, что заставило его пойти на явный подлог, за который, кстати сказать, он жестоко поплатился. Этот беспринципный поступок А.Я. Тихонова не делал ему чести»⁵. В вышедшем спустя три года сборнике «Ленинградское дело» историк, хотя и назвал действия Тихонова нелепой авантюрой, вместе с тем существенно сменил оценку факта фальсификации, подставив под сомнение его значимость: «Но ведь это же — более чем из тысячи делегатов. Мизер. И так ли уж виноваты в этом сами руководители?»⁶. В увидевшей свет 20 лет спустя статье «“Ленинградское дело”: мифы и реалии» В.А. Кутузов признает, что из всех предъявленных «ленинградцам» обвинений лишь одно имело под собой реальную почву — это подтасовка результатов голосования на конференции. Но в оценках произошедшего его точка зрения не изменилась: «Напомним, что речь идет буквально о нескольких голосах, поданных против П.С. Попкова, Я.Ф. Капустина, Г.Ф. Бадаева

³ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 49. Д. 3. Л. 9–10, 51–53, 122–124.

⁴ Кутузов В. «Ленинградское дело» // Диалог. 1987. № 18. Ноябрь. С. 15–16; Он же. «Ленинградское дело» // Диалог. 1987. № 19. Дек. С. 23; Он же. Так называемое «Ленинградское дело» // Вопросы истории КПСС. 1989. № 3. С. 55–56.

⁵ Кутузов В. «Ленинградское дело» // Диалог. 1987. № 18. Ноябрь. С. 16.

⁶ Демидов В., Кутузов В. Последний удар. Документальная повесть // «Ленинградское дело». Л., 1990. С. 65–66.

и П.Г. Лазутина». Тем более, что Тихонов всю вину взял на себя, «...объяснив это не столько желанием сделать приятное ленинградским руководителям, сколько продемонстрировать в духе тех лет железное единство тысячи с лишним делегатов»⁷.

Как правило, другие профессиональные историки тоже не придают фальсификациям особого значения: если не игнорируют их, то в лучшем случае просто констатируют произошедшее⁸. Некоторые петербургские историки утверждают, что в Ленинграде ничего особенного не случилось, что фальсификации итогов тайного голосования при проведении выборов партийных комитетов в сталинском СССР были вполне обычным явлением. Так, доктор исторических наук А.З. Ваксер, говоря о допущенных нарушениях при подсчете голосов, приходит к выводу: «Это лишний раз свидетельствует, что антидемократические порядки, сложившиеся в партии, в полной мере действовали и в Ленинграде». Ему вторит другой петербургский историк, кандидат исторических наук А.А. Амосова: «По всей видимости, объявлять победу на выборах партийных функционеров единогласной было не такой уж редкой практикой, даже если она таковой не являлась»⁹. Позже А.А. Амосова и ее соавтор доктор наук, американский профессор Д. Бранденбергер делают еще более категоричное заявление: «Отметим, что объявление результатов выборов единогласными было распространенной партийной практикой в сталинское время, даже когда кандидаты избирались всего лишь подавляющим большинством голосов»¹⁰. Но можно ли признать эти утверждения научно аргументированными? Тем более, что историки не подкрепляют их ссылками на какие-либо

⁷ Кутузов В.А. «Ленинградское дело»: мифы и реалии // Судьбы людей. «Ленинградское дело». СПб., 2009. С. 48.

⁸ Пихоя Р.Г. Советский Союз: История власти. 1945–1991. М., 1998. С. 65–69; Пыжиков А.В., Данилов А.А. Рождение сверхдержавы. 1945–1953 годы. М., 2002. С. 250–254; Хлевнюк О.В., Горлицкий Й. Холодный мир: Сталин и завершение сталинской диктатуры. М., 2011. С. 99.

⁹ Ваксер А.З. Ленинград послевоенный. 1945–1982 годы. СПб., 2005. С. 125; Амосова А.А. Преданный забвению: политическая биография Петра Попкова. 1937–1950. СПб., 2014. С. 179.

¹⁰ Амосова А.А., Бранденбергер Д. Новейшие подходы к интерпретации «Ленинградского дела» конца 1940-х — начала 1950-х годов в российских научно-популярных изданиях // Новейшая история России. 2017. № 1 (18). С. 97.

архивные документы либо на результаты проведенных научных исследований. А.А. Амосова и Д. Бранденбергер ссылаются на сборник «Ленинградское дело», где речь действительно идет про «мухлеж» с итогами голосования на ленинградской конференции, однако там ни слова не говорится об этой «распространенной партийной практике в сталинское время»¹¹.

Воздержимся от заявлений, что подобных прецедентов в региональных парторганизациях не было, и ленинградский случай был уникальным в своем роде: для любых подобных утверждений необходимо иметь на руках результаты тайного голосования абсолютно по всем областным и краевым партийным организациям СССР. Сразу отметим лишь следующее. Учитывая, что постоянные призывы советской пропаганды к «большевистской бдительности» и «большевистской принципиальности» находили непосредственный отклик среди коммунистов и беспартийных, и те активно отправляли «сигналы» о различных нарушениях и недостатках «наверх» (чтобы убедиться в этом, достаточно открыть в РГАСПИ перечни вопросов, рассмотренных Секретариатом ЦК ВКП(б) в конце 1940-х гг.), то сохранение в секрете манипуляций с результатами тайного голосования при «позднем Сталине» становилось весьма проблематичным. Тем более, круг «посвященных» оказывался достаточно широким, что неизбежно повышало риск утечки информации. Ведь в том же Ленинграде о подтасовках в ходе голосования сообщил один из членов счетной комиссии, а мог это сделать любой из делегатов конференции, кто проголосовал против кого-то из ленинградского начальства, а потом при объявлении результатов узнал, что тот не получил ни одного голоса «против». Сам факт фальсификации, который автоматически квалифицировался как грубое нарушение «внутрипартийной демократии», вполне мог представлять в то время гораздо более серьезную опасность для карьеры того или иного чиновника, пожелавшего получить «красивые цифры» на тайном голосовании, нежели реальные результаты пусть даже с высоким процентом «черных шаров». Сомнительно, чтобы цель в данном случае оправдывала средства.

¹¹ Демидов В., Кутузов В. Указ. соч. С. 65.

Результаты голосования по выборам членов обкомов (крайкомов) партии не составляют ни государственную, ни персональную тайну, и, как правило, для исследователей доступны без каких-либо ограничений (если, конечно, архивисты прилагали усилия, стремились к рассекречиванию документов, чего, к примеру, нельзя сказать о бывшем московском партархиве). Сложность заключается лишь в получении этих документов для научного анализа, т.к. находятся они на хранении в региональных архивных учреждениях.

Рассмотрим итоги работы счетных комиссий по выборам региональных партийных комитетов (членов обкомов и крайкомов ВКП(б)) на некоторых областных и краевых партконференциях, проходивших в РСФСР. Выберем лишь те конференции второй половины 1940-х гг., которые состоялись до того, как фальсификация итогов тайного голосования на ленинградской конференции стала одним из пунктов обвинений против ленинградских руководителей, то есть до 1948 г. включительно. Дело в том, что мы не можем полностью исключить вероятность распространения информации о произошедшем в Ленинграде, гарантировать, что печальный опыт ленинградцев не стал достоянием областных и краевых первых секретарей. Последние, в свою очередь, имели возможность предпринять конкретные шаги, чтобы не допустить нулевое голосование и тем самым избежать каких-либо подозрений в свой адрес по поводу подсчета голосов. Тем более, что это не составляло особого труда, в отличие от сокрытия полученных результатов.

Прежде всего, нас интересуют результаты голосования по главным лицам регионального руководства: первый секретарь обкома (крайкома) и горкома ВКП(б), второй секретарь обкома (крайкома) ВКП(б), председатель облисполкома (крайисполкома). Рассмотрим также результаты по второму секретарю горкома ВКП(б) областного (краевого) центра, хотя следует признать, эта должность не имела столь же высокий вес в системе региональной власти, как это было в Ленинграде второй половины 1940-х гг.

Начнем с Дальнего Востока. На III Хабаровской краевой партийной конференции, состоявшейся в апреле 1948 г., в ходе тай-

ного голосования по выборам членов крайкома ВКП(б) первый секретарь крайкома и горкома Р.К. Назаров получил 70 голосов «против», второй секретарь крайкома Т.Г. Калинин — 10, председатель крайисполкома Ф.А. Мамонов — 56 голосов, второй секретарь Хабаровского горкома ВКП(б) П.В. Решетников — 14. Всего в голосовании приняли участие 465 делегатов. Назаров и Мамонов стали абсолютными рекордсменами по числу голосов «против» на этой конференции. Особенно их «достижения» бросались в глаза на фоне показателей остальных претендентов на места в крайкоме, среди которых самое большое количество «черных шаров» — 15, набрал главнокомандующий войсками Дальнего Востока, маршал Советского Союза Р.Я. Малиновский — будущий министр обороны СССР¹².

В Сибири делегаты конференций, прошедших в марте 1948 г., по-разному оценивали руководителей «своих» регионов. Наиболее лояльными оказались делегаты VI Красноярской краевой партийной конференции. В голосовании приняли участие 392 делегата, из которых лишь трое проголосовали против первого секретаря крайкома и горкома А.Б. Аристова — будущего секретаря ЦК и члена Президиума ЦК КПСС, семеро — против второго секретаря крайкома С.М. Бутузова, восемь голосов «против» получил председатель крайисполкома Е.П. Колущинский, и только один делегат проголосовал против второго секретаря Красноярского горкома ВКП(б) А.П. Глазкова. Нужно особо отметить, что делегаты проявили лояльность ко всем кандидатам в члены крайкома, а не исключительно к первым лицам. Самый большой результат был у заведующего краевым отделом торговли Е.Н. Лотошникова — 26 «черных шаров», подавляющее большинство остальных получили один-два голоса «против», а три десятка человек были избраны единогласно. Но среди этих трех десятков не было главных лиц края: секретарь крайкома по пропаганде и агитации В.Л. Черненко получил два голоса «против», секретарь крайкома по кадрам Н.Г. Фалалеев — пять, первый заместитель председателя крайисполкома М.И. Генер — 10 голосов¹³.

¹² ГАХК. Ф. П-35. Оп. 22. Д. 16. Л. 3–6.

¹³ Там же. Ф. П-26. Оп. 20. Д. 20. Л. 354–356.

Еще один будущий член Президиума ЦК КПСС Н.И. Беляев, в то время возглавлявший Алтайский крайком и Барнаульский горком, авторитету соседнего секретаря Аристова мог только позавидовать. На IV Алтайской краевой партийной конференции из 395 делегатов его фамилию в ходе голосования вычеркнули 23 человека. Против второго секретаря Алтайского крайкома И.П. Скулкова проголосовали два делегата, против председателя крайисполкома А.М. Батамирова — 16, против второго секретаря Барнаульского горкома ВКП(б) Н.О. Игнатика — пятеро. Отметим, что первого секретаря значительно опередили два других секретаря крайкома ВКП(б): секретарь по пропаганде и агитации М.Д. Корабельников (30 голосов «против») и третий секретарь В.В. Митюшкин (36 голосов «против»). Результаты голосования у главных краевых начальников резко контрастировали с показателями у остальных кандидатов в члены крайкома, набравших по нескольку голосов «против» или вообще ни одного¹⁴.

Н.И. Беляев еще неплохо смотрелся на фоне своего северного соседа, первого секретаря Новосибирского обкома и Новосибирского горкома М.В. Кулагина. На IV Новосибирской областной партийной конференции фамилию М.В. Кулагина вычеркнули 42 делегата из 481 принявшего участие в голосовании. Второй секретарь обкома В.В. Косов набрал еще больше — 57 голосов «против», а вот председатель Новосибирского облисполкома Л.И. Соколов напротив — всего 10. Против второго секретаря Новосибирского горкома ВКП(б) М.Н. Никитина проголосовали 35 делегатов. Однако рекордсменом стал не Косов, а председатель Новосибирского горисполкома В.И. Благирев, которого не захотели видеть в составе членов обкома ВКП(б) 83 делегата конференции¹⁵.

Все отрицательные результаты у А.Б. Аристова, Н.И. Беляева и М.В. Кулагина меркли на фоне показателей омского секретаря С.С. Румянцева. 102 делегата V Омской областной партийной конференции из 396 принявших участие в голосовании вычеркнули фамилию первого секретаря обкома и горкома ВКП(б). Румянцев лидировал с огромным отрывом от других кандидатов на места в об-

¹⁴ ГААК. Ф. П-1. Оп. 80. Д. 2. Л. 287–288.

¹⁵ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 1046. Л. 107–110.

коме партии. Кандидатура второго секретаря обкома П.П. Елисеева вызывала значительно больше симпатий: лишь 18 делегатов не захотели видеть его в новом составе обкома. Против председателя облисполкома Л.И. Кузика проголосовали 32 делегата. Только что назначенный вторым секретарем Омского горкома ВКП(б) Д.Ф. Ситнянский получил 11 голосов «против», но он для омичей был человеком совершенно новым. Поэтому обратим внимание на результаты, полученные другими секретарями обкома ВКП(б). У третьего секретаря Я.Н. Заробяна они были такими же, как и у второго секретаря — 18 голосов «против», у секретаря по кадрам С.И. Циркина они совпали с количеством голосов, поданных против председателя облисполкома — 32. А секретарь по пропаганде и агитации П.А. Шуркин получил только семь «черных шаров»¹⁶. Как показало время, в ЦК партии учли итоги голосования в Омске и отреагировали кадровыми перестановками.

На Урале делегаты областных конференций ВКП(б), состоявшихся в том же марте 1948 г., в ходе голосования весьма критически подошли к оценке местного начальства. На VI Челябинской областной партконференции первый секретарь обкома и горкома А.А. Белобородов получил 24 голоса «против» из 563 проголосовавших. Его, на первый взгляд, немалые показатели стали незаметны на фоне результатов у остальных первых лиц области. Второй секретарь Челябинского обкома Ф.Н. Дадонов получил 85 голосов «против», а председатель облисполкома И.В. Заикин — 131. И только ко второму секретарю Челябинского горкома А.В. Лескову делегаты были более лояльны — против него было подано лишь 12 голосов. Остальным секретарям обкома ВКП(б), а не только вышеупомянутым, уйти «чистыми» с конференции тоже не удалось: третьего секретаря Г.А. Бездомова из списка вычеркнули 22 делегата, секретаря по кадрам П.И. Матвейцева — 57, секретаря по пропаганде и агитации А.Г. Лашина — 93 делегата. По несколько десятков «черных шаров» получили и другие руководящие работники областного масштаба, но ни они, ни другие претенденты на членство в обкоме партии превзойти председателя облисполкома не смогли¹⁷.

¹⁶ ИАОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 5017. Л. 151–153.

¹⁷ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 12. Д. 1. Л. 121–124.

У северных соседей челябинцев — свердловчан, эти показатели тоже были немалыми. На VI Свердловской областной партконференции, где в тайном голосовании приняли участие 647 делегатов, первый секретарь обкома и горкома В.И. Недосекин получил 42 голоса «против», председатель облисполкома Г.С. Ситников — 57, второй секретарь Свердловского горкома П.А. Жуков — 34 голоса. Второго секретаря обкома А.П. Панина во время конференции отозвали на работу в ЦК ВКП(б), поэтому его кандидатура на выборах в новый состав обкома не выдвигалась. Взамен можно привести результаты голосования по остальным секретарям обкома: против третьего секретаря обкома И.С. Цыганова проголосовали 25 делегатов, секретаря по пропаганде и агитации И.С. Пустовалова — восемь, секретаря по кадрам Н.М. Кокосова — 102 делегата. Последний стал рекордсменом: у его ближайшего «преследователя» — заведующего организационно-инструкторским отделом Свердловского обкома ВКП(б) П.Е. Бармасова было 63 голоса «против»¹⁸.

В голосовании на III Молотовской областной партийной конференции приняли участие 649 делегатов. Фамилию первого секретаря обкома и горкома ВКП(б) К.М. Хмелевского вычеркнули 34 делегата, против второго секретаря обкома П.Ф. Пигалёва было подано 6 голосов, против председателя облисполкома К.Г. Пысина — 16, второй секретарь Молотовского горкома П.А. Лошкарёв получил 23 голоса. Цифры показывают, что молотовская партноменклатура куда лояльнее относилась к своему начальству, нежели свердловская и челябинская. Больше всех голосов «против» набрал прокурор Молотовской области Д.Н. Куляпин — его фамилию вычеркнули 54 делегата¹⁹.

Благожелательно была настроена ростовская партноменклатура по отношению к главным лицам области. IV Ростовская областная партийная конференция прошла за несколько месяцев до окончания войны, в январе 1945 г. В тайном голосовании приняли участие 456 делегатов, из них только семеро проголосовали против первого секретаря обкома и горкома ВКП(б) П.И. Александрюка, на два голоса больше получил второй секретарь обкома ВКП(б)

¹⁸ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 44. Д. 1. Л. 58–59.

¹⁹ ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 14. Д. 4. Л. 185–186.

О.С. Шпаков. Против председателя облисполкома И.П. Кипаренко проголосовали 12 делегатов, а второй секретарь Ростовского горкома ВКП(б) П.Н. Пастушенко получил лишь три голоса «против». Итоги голосования по первым лицам области не вызывают особых подозрений, так как своими низкими цифрами они не выделялись на общем фоне. Только шесть претендентов на места в обкоме партии набрали более десятка голосов «против», а многие вообще не получили ни одного, поэтому показатель председателя Ростовского облисполкома И.П. Кипаренко можно даже рассматривать как достаточно высокий²⁰.

Совершенно иная картина складывалась у их северо-восточных соседей. В тайном голосовании на VI Сталинградской областной партийной конференции, состоявшейся тремя годами позднее, в марте 1948 г., приняли участие 438 делегатов с правом решающего голоса. Против первого секретаря обкома и горкома ВКП(б) В.Т. Прохватилова проголосовали 46 делегатов — это был второй результат по итогам голосования. Самое же большое количество голосов «против» оказалось у председателя облисполкома Я.В. Ларина — 104 делегата вычеркнули его фамилию из бюллетеней. Второй секретарь Сталинградского горкома ВКП(б) А.А. Вдовин получил 27 голосов. Второго секретаря обкома партии сменили во время конференции: на эту должность из Москвы был командирован И.Т. Гришин — бывший слушатель Высшей партийной школы при ЦК партии, ранее занимавший руководящие посты в Новосибирске. Поэтому рассмотрим результаты голосования по остальным секретарям обкома ВКП(б), хорошо знакомым сталинградской номенклатуре. Третий секретарь М.И. Сухов получил 36 голосов «против», секретарь по пропаганде и агитации М.А. Водолагин — 16, секретарь по кадрам М.Н. Сомова — 32. Все действовавшие руководители Сталинградской области вошли в десятку самых непопулярных кандидатов в члены обкома партии (всего кандидатов было 75 человек). Притом, что 46 кандидатов не набрали более десяти голосов «против», а еще 16 — не получили ни одного (в их числе были И.В. Сталин, А.А. Жданов и

²⁰ ЦДНИРО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 547. Л. 270–271.

Г.М. Маленков)²¹. Иначе говоря, свое руководство сталинградский управленческий корпус оценивал весьма критически.

IX Куйбышевская областная партийная конференция проходила почти одновременно со сталинградской. В тайном голосовании на конференции приняли участие 610 делегатов. Против первого секретаря обкома и горкома ВКП(б) А.М. Пузанова проголосовал 21 делегат, против второго секретаря обкома Ф.Р. Козлова — 33, председатель облисполкома А.П. Бочкарёв получил лишь четыре голоса «против». Фамилию второго секретаря Куйбышевского горкома Л.Н. Ефремова из бюллетеней для голосования вычеркнули восемь делегатов. Данные по остальным секретарям обкома ВКП(б) весьма разнились между собой. Если третий секретарь Г.А. Малёхонков получил чуть не самый высокий результат на конференции — 54 голоса «против», то у секретаря по пропаганде и агитации А.Я. Буровиной было 24, а у секретаря по кадрам Г.Ф. Худобина — всего лишь пять. Следует сказать, что делегаты не проявили лояльности к областному руководству: большинство, а именно более полусотни кандидатов либо не получили ни одного, либо — от одного до пяти голосов «против», а тех, у кого этот показатель был выше, насчитывалось всего 18 человек. В числе этих 18-ти оказались все указанные выше областные начальники, за исключением секретаря обкома по кадрам²².

В том же марте 1948 г. состоялась IX Горьковская областная партийная конференция, где в тайном голосовании приняли участие 422 делегата. Первый секретарь обкома и горкома С.Я. Киреев, второй секретарь обкома В.В. Тихомиров и председатель облисполкома Н.В. Жильцов набрали одинаковое количество голосов «против» — по 20. Второй секретарь Горьковского горкома ВКП(б) А.Н. Курятников получил значительно больше — 41 голос. Но не ему, а третьему секретарю обкома А.П. Смолину довелось набрать самое большое количество голосов «против» — его фамилию вычеркнули 76 делегатов. Секретарь обкома по кадрам А.Д. Проскурин получил только 12 голосов (секретаря обкома по пропаганде и агитации на конференции сменили на другого).

²¹ ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 25. Д. 1. Л. 99–105.

²² СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 13. Д. 154. Л. 1–6.

Эти цифры выглядели достаточно внушительными на фоне общего благосклонного отношения делегатов к кандидатам. Главным горьковским начальникам — первому, второму и третьему секретарям обкома ВКП(б), второму секретарю горкома и председателю облисполкома — довелось собрать наибольшее количество голосов «против»²³.

Таким образом, для анализа мы отобрали достаточно крупные региональные партийные организации РСФСР и не выявили ни одного результата тайного голосования, подобного тому, что был получен на X Ленинградской областной и VIII Ленинградской городской объединенной партийной конференции касательно первых лиц областного руководства. Повторим: вполне возможно, что ленинградский инцидент не был уникальным, и где-то на территории СССР подобное вполне могло иметь место. Тем не менее, проведенное исследование показывает отсутствие каких-либо оснований для утверждений, что «...объявление результатов выборов единогласными было распространенной партийной практикой в сталинское время, даже когда кандидаты избирались всего лишь подавляющим большинством голосов». Нет никаких оснований рассматривать фальсификации на ленинградской конференции как вполне обыденный случай и типичный пример тому, что «...антидемократические порядки, сложившиеся в партии, в полной мере действовали и в Ленинграде». Ученые делают столь однозначные, категоричные заявления о «распространенных партийных практиках», «антидемократических порядках», не располагая при этом ни одним доказательством, что подобное имело место где-то за пределами Ленинграда. Симпатии к погибшим в ходе «ленинградского дела» руководителям и стремление продемонстрировать негативные стороны действовавшей в то время системы власти не дает профессиональным историкам права прибегать к домыслам и фальсификациям. На то, чтобы сочинить миф, достаточно нескольких минут. Чтобы разоблачить этот миф, требуются немалые усилия на сбор доказательной базы.

Систему тайного голосования для выборов партийных комитетов и делегатов на вышестоящие партийные конференции

²³ ГОПАНО. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 6491. Л. 234–237.

И.В. Сталин ввел в управленческую практику в 1937 г. На региональном уровне она показывала, насколько тот или иной руководящий работник пользуется поддержкой местного управленческого корпуса. Сталин полагал, что тайное голосование является своеобразной проверкой руководящих кадров, осуществляемой «снизу»²⁴. Действительно, крайне непопулярный работник мог «завалиться» на выборах. Но даже в случае, если кандидат проходил и при том набирал высокий процент голосов «против», это обстоятельство учитывалось в ходе проверки на предмет его ответственности занимаемой должности. Если к этому работнику имелись какие-либо иные крупные претензии, шансы потерять должность существенно возрастали.

В подтверждение, что эта система не являлась ширмой, прикрывавшей «антидемократические порядки», а реально функционировала, можно привести случай на Свердловской областной партийной конференции, состоявшейся в марте 1940 г. В ходе тайного голосования в состав членов обкома действующий секретарь Свердловского обкома ВКП(б) по кадрам, андриановский выдвиженец Г.Г. Попов получил критическое количество голосов «против» — 108 из 380 делегатов вычеркнули его фамилию (претендентов было чуть больше, чем мест). Вместе со статусом члена обкома ВКП(б) он автоматически потерял рабочее место — кресло секретаря обкома по кадрам и заведующего отделом кадров. Для первого секретаря Свердловского обкома ВКП(б) В.М. Андрианова такой исход тайного голосования явился полной неожиданностью, и ему в экстренном порядке пришлось подбирать новую кандидатуру. А для Г.Г. Попова пришлось подыскивать новую работу: сначала его пристроили заместителем начальника политотдела железной дороги по кадрам, затем назначили первым секретарем Камышловского райкома ВКП(б) Свердловской области²⁵.

В ходе разделения постов первых секретарей обкомов и горкомов ВКП(б) в 1950 г. второй секретарь горкома в Свердловске так и не

²⁴ Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. // Вопросы истории. 1995. № 11–12. С. 15.

²⁵ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 35. Д. 5. Л. 62, 67–72; Оп. 66. Д. 2847. Л. 24–24об.

стал первым. Можно сказать, что работавший до того момента вторым секретарем Свердловского горкома ВКП(б) И.Ф. Красножёнов пал жертвой «внутрипартийной демократии». Всего за год работы в этой должности он успел настроить против себя свердловский управленческий корпус. На состоявшейся в феврале 1950 г. IX Свердловской городской партконференции делегаты подвергли его резкой критике за слабое руководство и грубость, а при тайном голосовании по выборам нового состава горкома 204 делегата из 593-х проголосовали против его кандидатуры. Руководство области такой результат голосования не предвидело, так как, судя по всему, именно Красножёнова готовили на место первого секретаря горкома. И хотя он прошел в состав горкома, как набравший больше половины «за», бюро Свердловского обкома ВКП(б) приняло решение не только не выдвигать его первым секретарем горкома, но и не оставлять вторым. Исходя из сложившейся ситуации, когда иной готовой, согласованной с ЦК кандидатуры не было, представитель обкома партии обратился к членам пленума горкома с просьбой воздержаться от избрания первого секретаря, и следующие полтора месяца кресло руководителя горкома оставалось вакантным. Самого И.Ф. Красножёнова через полгода вынужденного отдыха трудоустроили в облисполком заведовать отделом местной промышленности²⁶.

Касалось это не только исключительно партийных начальников. Когда в середине 1949 г. в Москве решалась судьба директора Челябинского Кировского завода, Героя соцтруда, генерал-майора, депутата Верховного совета СССР И.М. Зальцмана (обвиняемого в коррупции, растратах государственных средств, недостатках в руководстве предприятием, хамстве и расправе над теми заводскими коммунистами, кто смел его критиковать, то есть в «зажиме критики», нарушении «внутрипартийной демократии»), специально созданная межведомственная комиссия докладывала Г.М. Маленкову о результатах тайного голосования по кандидатуре Зальцмана в составы парткома завода и Челябинского обкома

²⁶ Сушков А.В. Руководители города Свердловска: первые секретари горкома ВКП(б)–КПСС (1932–1991), вторые секретари горкома ВКП(б) (1937–1950). Екатеринбург, 2007. С. 19–20, 116–117.

ВКП(б). Комиссия использовала эти результаты для оценки деловых и личных качеств директора²⁷.

Ленинградскому начальству на партконференции 1948 г. было далеко безразлично, какие цифры они получают по результатам тайного голосования. «Я позволю напомнить товарищам следующее, — говорил на пленуме обкома и горкома в феврале 1949 г. первый секретарь Смольнинского райкома В.В. Никитин. — Известно, что на конференции из секретарей городского комитета партии больше всех голосов «против» получил Николаев и Левин. Товарищи помнят, как волновались эти товарищи. Видимо, это волнение было тоже не случайно. Видимо, товарищи предполагали, что полученное количество голосов против них могло сказаться на окончательном решении — избрании их как секретарей». На вопрос Г.М. Маленкова — если бы Капустин по полученным голосам «против» прошел бы в члены пленума последним или предпоследним, могло ли это обстоятельство отразиться на его избрании секретарем горкома — Никитин отвечал: «Если бы товарищ Капустин получил большое количество голосов “против” — этот вопрос мог быть поставлен»²⁸. Отсюда понятно, почему результаты тайного голосования были столь болезненны для ленинградского начальства: это был вопрос их авторитета, престижа и карьерных перспектив. Неслучайно секретарь горкома Н.А. Николаев, услышав высокую цифру голосов «против», залился краской, что не осталось незамеченным среди участников конференции²⁹. Секретарю горкома было от чего краснеть, ведь его показатели бросались в глаза на фоне нулей, полученных первыми лицами города и области.

«Свои нули» ленинградские вожди восприняли как должное³⁰. Председатель счетной комиссии Тихонов сделал все от него зависящее, чтобы им не пришлось краснеть перед делегатами.

В независимости от того, как оценивать фигуру И.В. Сталина, — считать его жестоким тираном, с прогрессирующей подозрительностью на фоне естественных возрастных изменений в психике,

²⁷ Сушков А.В. Дело «танкового короля» Исаака Зальцмана. Екатеринбург, 2016. С. 162–191; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 448. Л. 168.

²⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 28. Д. 10. Л. 45–46.

²⁹ Демидов В., Кутузов В. Указ. соч. С. 60.

³⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 28. Д. 10. Л. 5–6, 123–124.

озабоченным исключительно упрочнением личной власти, или выдающимся государственным деятелем, все усилия которого были направлены на укрепление могущества государства, — нетрудно догадаться, как воспринял он информацию о том, что внедренную им систему тайного голосования — неотъемлемую составляющую всех проходящих в стране партийных отчетно-выборных кампаний, оказывается можно без особого труда свести на нет, что с успехом продемонстрировали на ленинградской партийной конференции. Не будет удивительным, если в последующем, после рассекречивания всего комплекса документов по «делу», выяснится, что реакция вождя была чрезмерно острой, и даже болезненной.

Не столь важно, что счетная комиссия обнулила лишь по несколько голосов «против», которые набрали ленинградские начальники, и что ей не пришлось скрывать десятки и сотни голосов. Главное здесь — сам факт фальсификации. И то, что этот факт имел место в Ленинграде, в независимости от того, получил ли Тихонов указания свыше, или это была его собственная инициатива, сам этот свершившийся факт свидетельствует о склонности ленинградской партноменклатуры к различным фальсификациям и иным нарушениям законности, о нарастающей атмосфере парадности в ущерб деловитости, и о самовозвеличивании ленинградского начальства.

Дополнительные тому подтверждения прозвучали в докладе первого секретаря горкома Ф.Р. Козлова на IX Ленинградской городской партийной конференции в 1950 г. Когда докладчик стал говорить о том, что «пробравшаяся к руководству ленинградской партийной организации антипартийная группа Кузнецова, Попкова и других причинила большой вред Ленинграду», первое, на чем он конкретно остановился, были не пьянство, растраты партийных и государственных средств и самоснабжение, а все та же фальсификация протокола счетной комиссии на областной и городской партконференции. Что лишний раз подчеркивает тяжесть содеянного ленинградским начальством по действовавшей в то время оценочной шкале партийных проступков. К тому же, как стало известно из доклада Ф.Р. Козлова, этот случай с фальсификацией был далеко не единичным, подобное имело место в нижестоя-

щих ленинградских властных структурах. Как показала проверка, результаты голосования были нужным образом «исправлены» на Ленинской и Фрунзенской районных партконференциях, в некоторых первичных парторганизациях Василеостровского района и даже на комсомольских собраниях. На IX Ленинской районной партконференции по указанию секретаря райкома Л.С. Ананьева были скрыты голоса против избрания П.С. Попкова делегатом на городскую партконференцию³¹. Иначе говоря, Тихонов не совершил революции в технологии подсчета голосов, а это уже была исподволь складывающаяся практика в функционировании ленинградских властных структур.

Подтасовка результатов тайного голосования на партийной конференции таила в себе реальную угрозу для сталинской власти, так как «ленинградцы» продемонстрировали способ свести на нет систему тайного голосования в партийных организациях. Потому фальсификации стали предметом тщательных разбирательств, получили резкую оценку со стороны высшего руководства и вполне могли повлиять на решение Сталина подвергнуть основных фигурантов «ленинградского дела» жесткому наказанию.

Библиографический список

Амосова А.А. Преданный забвению: политическая биография Петра Попкова. 1937–1950. СПб., 2014.

Амосова А.А., Бранденбергер Д. Новейшие подходы к интерпретации «Ленинградского дела» конца 1940-х — начала 1950-х годов в российских научно-популярных изданиях // Новейшая история России. 2017. № 1 (18). С. 94–112.

Ваксер А.З. Ленинград послевоенный. 1945–1982 годы. СПб., 2005.

Демидов В., Кутузов В. Последний удар. Документальная повесть // «Ленинградское дело». Л., 1990. С. 5–174.

Кутузов В. «Ленинградское дело» // Диалог. 1987. № 18. Ноябрь. С. 15–21.

Кутузов В. «Ленинградское дело» // Диалог. 1987. № 19. Дек. С. 15–23.

Кутузов В.А. «Ленинградское дело»: мифы и реалии // Судьбы людей. «Ленинградское дело». СПб., 2009. С. 43–49.

Кутузов В.А. Так называемое «Ленинградское дело» // Вопросы истории КПСС. 1989. № 3. С. 53–67.

³¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 50. Д. 1360. Л. 62, 223.

Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1995. № 11–12. С. 3–23.

Пихоя Р.Г. Советский Союз: История власти. 1945–1991. М., 1998.

Пыжиков А.В., Данилов А.А. Рождение сверхдержавы. 1945–1953 годы. М., 2002.

Садовин В.В. Испытал на себе // «Ленинградское дело». Л., 1990. С. 263–272.

Сушков А.В. Дело «танкового короля» Исаака Зальцмана. Екатеринбург, 2016.

Сушков А.В. Руководители города Свердловска: первые секретари горкома ВКП(б)–КПСС (1932–1991), вторые секретари горкома ВКП(б) (1937–1950): историко-биографический справочник. Екатеринбург, 2007.

Хлевнюк О.В., Горлицкий Й. Холодный мир: Сталин и завершение сталинской диктатуры. М., 2011.

SUSHKOV A.V.

**“DO YOU KNOW THAT THIS IS A CRIME VERGING ON PROVOCATION?”
SOME ASPECTS OF THE “LENINGRAD AFFAIR”**

The article deals with falsification of the results of secret voting at the Leningrad party conference in 1948. There is an disseminate opinion among historians that such practices were widespread in the party apparatus of the country, and the sharp reaction from the supreme authority to violations in Leningrad was due to the desire to destroy the “Leningrad group” of leaders. However, this point of view is groundless and is not confirmed in archival documents. The threat to the Stalinist system of power was that the “Leningraders” demonstrated a way to nullify the system of secret voting in party organizations, which was introduced by Stalin in 1937.

Keywords: “*Leningrad affair*”, *party and state system of the power*, “*late Stalinism*” period, *administrative practices*